

Максим Горький

Несогласный

Максим Горький

Несогласный

«Public Domain»

1916

Горький М.

Несогласный / М. Горький — «Public Domain», 1916

«В пустоте над тюремным двором остановилось мутное солнце; ночью в городе был большой пожар, небо немножко закоптело, солнце – тоже...»

Максим Горький

Несогласный

В пустоте над тюремным двором остановилось мутное солнце; ночью в городе был большой пожар, небо немножко закоптело, солнце – тоже.

Жарко; кирпичная стена тюрьмы кажется раскалённой докрасна: серый булыжник источает липкую духоту, в воздухе висят синие мухи, толчками рвутся куда-то, падают к нагретой земле, взмывают вверх, – следить за ними нестерпимо скучно, а больше делать нечего. Тихо на дворе; кое-где в коротких полосках тени прижались у стены растерзанные арестанты, дремлют, спят, лениво беседуют. За стеной сухо трещит деревянный город, иссыхая под жестоким солнцем. В квартире зрителя звучит пианино, – Миша Зимин, чахоточный вор, выгнув длинную шею, поднял в небо серое с красными малежами лицо и, надув губы, смотрит в окно, слушает музыку.

– Я человек меланхоличный, – вполголоса говорит мне надзиратель Курнашов, сидя со мной на ступенях крыльца тюрьмы. – Есть люди взрывчатого характера, а я – смирноумный, короткого поведения...

– Кроткого, – поправляю я.

– Всё едино, – кроткое и есть короткое поведение, без затяжки, без спора.

И, раздавив окуроченные папиросы о подошву сапога, он продолжает, точно чулок вяжет:

– Мне всё равно, хоть так, хоть этак, меня не обморочишь. Ваши, утверждающие, будто человек нуждается в свободе поведения, премного ошибаются. Этого нельзя. Вон они, свободники, у стенок притулились, а некоторые даже и в кандалах. Никак нельзя. Свинья свободна, ну, что ж? Ей никакого уважения нет. И человек в свободном ходе своих чувств тоже освиньяется.

Сняв тяжёлую фуражку, он приглаживает красной ладонью волосы цвета земли и потом внимательно смотрит на свои пальцы.

Мне давно и упрямо хочется знать, как прожил свою жизнь этот суздальский человечек, сухонький, спокойный, похожий на икону угодника божия? У него зоркие, приметливые глаза желтоватого цвета. Они смотрят на всё и всех прямым, взвешивающим взглядом. Он часто говорит:

– Я – человек смирный, меланхоличный.

Но он говорит эти слова подозрительно часто. Товарищи явно не любят его и боятся. Арестанты – тоже не любят, но не боятся, хотя исполняют его краткие приказания как будто послушней и охотней, чем крикливую команду других надзирателей.

Он стоит как будто ближе к арестантам, чем к начальству, но в то же время как бы опасается близости к людям или пренебрегает ими, считая себя выше всех. Ему – пятьдесят девять лет, он крепкий, ловкий и лёгок на ногу, – ходит по двору и коридорам быстро, бесшумно, как по воздуху. Чистенький, аккуратный, желтоватая бородка правильно подстрижена, но рот у него противен, – кривой, с толстыми губами, он кажется чужим на постном, благообразном лице.

Основной лад его души – спокойное безразличие, однако я несколько раз видел Курнашова в странном состоянии внутреннего напряжения, возбуждавшего у меня острый интерес к этому человеку.

Как-то ночью, заглянув в глазок моей двери, я увидел, что он стоит в коридоре против камеры малолетних, под огнём тусклой лампы, его лицо жутко, невероятно искажено, – как будто человека внезапно схватила острая боль, он хочет дико закричать и – не может.

Это искажённое, кричащее и немое лицо было до того ужасно, что я, отшатнувшись, закрыл глаза. Но через минуту, вновь заглянув в глазок, увидел его всё в том же оцепенении, с тем же немым криком в глазах и в судороге полуоткрытого рта.

Я позвал его:

– Павел Степанович!

Пошатнувшись, он спросил:

– Кто это?

– Я, шестая камера.

– А... Не спите?

– Нет. Что с вами?

– А все спят. Господи помилуй...

– Что это с вами?

– Так, задумался...

Он ушёл.

Не один раз я просил его:

– Расскажите, как вы жили!

Глядя на меня снизу вверх, он спрашивал:

– К чему это?

– Я – молодой, мне учиться надо.

– Я жил меланхолично, – говорил он, – вроде отшельника, остерегаясь суеты напрочь...

Философствовал он охотно, но о событиях своей жизни не говорил, как будто их не было.

А однажды прямо сказал мне:

– Рассказы – не научат, научает рассуждение. Рассказать можно всё, что хочется, и будет – ложь, а рассуждение – тут не всякий соврать может. Голое слово обязует, как цифры, а цифра – не соврёт, как её ни поворачивай.

Ко мне он относился покровительственно и с любопытством, которого не мог скрыть, хотя и сдерживал его.

Как-то ночью, разговаривая со мной через глазок камеры, он спросил:

– Слышал я, что писанием зарабатываете большие деньги и живёте без нужды, – верно?

– Да.

– Мм... Пьёте?

– Нет.

– Картёжничаете?

– Тоже нет. А – что?

– Тогда – не понимаю: зачем же бунтовать? Ежели бедный бунтует, – это доступно уму, а – если образованный и сытый человек, тогда уж это – баловство.

Я пытался объяснить ему, но, послушав немного и неохотно, он ушёл от двери, сказав:

– Каждый сам себе воевода и хозяин...

В этот жаркий, скучный день я решил добиться толка от Курнашова и добился; осторожно, точно идя в темноте и оглядываясь во все стороны, загромождая свою речь ненужными размышлениями, он начал рассказывать:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.